

В глубине исследовательского корпуса Университета Цзянчэн, в лаборатории с табличкой Реакторная для сверхнизкотемпературных материалов, воздух был холодным, словно в бездне девяти преисподних.

Ледяные стены из сплава отражали мертвенно-бледный свет ламп. Несколько сложных приборов издавали низкий гул, а по экранам водопадами стекали потоки синих данных. В воздухе стоял густой, тяжелый запах — смесь озона, охлаждающей жидкости и резкого, ледяного аромата каких-то потусторонних растений.

Цзян Янь стоял перед пультом управления. Он был облачен в белый лабораторный защитный костюм, который делал его кожу еще бледнее, а высокую стройную фигуру — почти хрупкой.

Сдвинув защитный шлем на лоб, он пристально смотрел на цилиндрический реактор высотой в полчеловека, опутанный сложной сетью энергетических цепей и конденсационных трубок. Сквозь толстое термостойкое стекло было видно, как внутри, окутанные темно-синим ледяным туманом, медленно — почти неподвижно — смешивались и проникали друг в друга сгустки вязких веществ разных цветов.

Тончайшие нити чистейшей ледяной духовной энергии принудительно вытягивались из низкосортных растительных материалов, очищались от примесей и вливались в ядро. Его движения были точны и выверены: пальцы порхали над панелью управления, бесшумно регулируя малейшие колебания температуры, давления и энергетического поля.

В его фиолетовых глазах не было ни тени эмоций — лишь холодный расчет. Холодный свет лаборатории ложился на его сосредоточенный профиль, очерчивая жесткие, словно высеченные из камня линии лица.

Дверь лаборатории бесшумно отъехала в сторону. Лу Чэнь прислонился к косяку, по-прежнему сохраняя свою расслабленную позу, словно у него совсем не было костей. Дорогое темно-серое пальто было распахнуто, открывая безупречно сшитую черную рубашку.

Он вертел в руках нефритовую табличку с древним облачным узором, которую только что прихватил из архива. Его золотые глаза с интересом скользили по холодным приборам, пока наконец не остановились на сосредоточенной спине Цзян Яня.

— Ц-ц-ц, — раздался в пустой холодной лаборатории голос Лу Чэня, полный привычной насмешки. — Господин отличник Цзян, размах твоего алхимического... нет, аптечного производства не уступает печи Лао-цзюня. Но вот запах... — он принялся с явным отвращением. — Смесь дезинфектора и гнилых кореньев. Никакого божественного величия.

Цзян Янь даже не обернулся. Введя на панели сложную последовательность параметров, он ответил глухим, искаженным защитным костюмом голосом:

— Заткнись. Либо седи тихо, либо проваливай.

Он помедлил, словно что-то вспомнив, и бросил взгляд на соседний экран, где отображались данные удаленного мониторинга энергетических колебаний Земной жилы в районе нового якоря в старой части Цзянчэна.

— У Божества Земли Чжоу божественный огонь стабилен. Прогресс упорядочивания Земной жилы... одна целая семь десятых процента. Это на ноль целых три десятых быстрее, чем ожидалось.

— О? — Лу Чэнь приподнял бровь, и в его золотых глазах промелькнуло удивление, сменившееся удовлетворением. Он вошел в лабораторию и затворил дверь, отсекая шум коридора. — Этот старый книжник... оказался довольно способным?

Он придвинулся ближе к монитору, наблюдая, как слабая желто-зеленая кривая, олицетворяющая силу нового порядка, медленно, но уверенно ползет вверх. Уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Похоже, первый шаг нашего разрушения до основания и возведения заново проходит даже стабильнее, чем мы предполагали.

Он перевел взгляд на Цзян Яня, и в золотых глазах блеснуло любопытство:

— Что такое? Позвал меня сюда только ради того, чтобы похвастаться успехами в городском озеленении? — он потряс нефритовой табличкой. — Или... господин отличник Цзян наконец-то почувствовал уколы совести и решил, что мне, твоему стратегическому партнеру, слишком скучно лежать в общежитии, залечивая раны, и вызвал меня на мастер-класс по современной алхимии?

Цзян Янь наконец прекратил работу. Он развернулся, и его фиолетовые глаза под защитным стеклом немигающе уставились на Лу Чэня. Взгляд был настолько острым, что казалось, он пронзает насквозь всю напускную небрежность и достигает самой глубины души.

— Твоя душа повреждена, — голос Цзян Яня звучал холодно и четко, каждое слово словно было высечено из льда. — Это не пустяк.

Воздух в лаборатории стал еще холоднее, единственным фоном остался низкий гул приборов. Улыбка на лице Лу Чэня застыла, но тут же растянулась еще шире, с оттенком безразличного хулиганства:

— Ха, подумаешь, какая мелочь. Я же говорил, при перерождении меня немного разбросало, со временем само срастется. Видишь, я же бегаю и прыгаю, разве нет?

Он даже демонстративно повел плечами, чтобы показать, насколько он здоров.

— Бегаешь и прыгаешь? — Цзян Янь усмехнулся, и в его глазах промелькнула нескрываемая ирония. — Тебя стошнило кровью и ты едва не упал в обморок от простого наделения титулом низшего Божества Земли — и это ты называешь бегаешь и прыгаешь? — он сделал шаг вперед, и незримое давление, словно ледяная волна, затопило пространство. — Лу Чэнь, не притворяйся передо мной. Твои затраты энергии во много раз превышают норму для такого ритуала. Степень повреждений, боюсь, куда серьезнее, чем ты пытаешься показать.

В глубине золотых глаз Лу Чэня на мгновение отразилось беспокойство. Он инстинктивно хотел отвести взгляд, но все же заставил себя смотреть прямо, криво усмехнувшись:

— Эй, Бэйинь, это уже нечестно. Я признаю, есть небольшие повреждения, но насколько серьезные — я и сам толком не знаю. В конце концов, я только пробудился, а душа — это не уровень сверхспособностей, который можно измерить прибором...

— Не знаешь? — Цзян Янь перебил его, голос стал еще холоднее. — Тогда я помогу тебе разобраться.

Он указал на прибор, подключенный к сложной системе датчиков, на экране которого отображался спектр силы души.

— Ложись.

Лу Чэнь проследил за его пальцем, и его лицо слегка изменилось. Он узнал этот прибор — в университете его использовали для глубокой проверки стабильности духовной силы и душевных травм у обладателей сверхспособностей. Процедура была крайне неприятной.

— Да ладно? — Лу Чэнь возмущенно воскликнул, и в его глазах читался явный отказ. — Цзян Янь, это уже перебор! Я, в конце концов, великий... э-э, бывший Небесный император! Ты заставляешь меня ложиться в эту штуку? Как лабораторную мышь? У меня тоже есть гордость!

— Гордость? — Цзян Янь холодно смотрел на него, не желая идти на компромисс. — Или жизнь? — его тон не допускал возражений. — Душа — это основа. Если она повреждена, а ты насильно используешь власть указа, в лучшем случае замедлишь восстановление, в худшем — подорвешь фундамент своего божественного статуса и даже привлечешь Небесного демона из иных миров! Если хочешь умереть — не тяни меня за собой.

Последняя фраза прозвучала как холодное предупреждение, в котором проскользнула едва уловимая нотка тревоги.

Лу Чэнь осекся.

Он смотрел в холодные фиолетовые глаза Цзян Яня и, помимо привычного равнодушия и предупреждений, уловил там нечто скрытое — глубокое беспокойство. Это открытие заставило

его сердце дрогнуть, и большая часть его сопротивления внезапно испарилась.

Он надул губы и, смирившись, вздохнул:

— Ладно, ладно, господин отличник Цзян, твоя взяла. Будем считать, что я у тебя в долгу.

Он медленно, нехотя направился к ледяному прибору.

Холодное кресло из сплава, сложные датчики, прикрепленные к вискам и груди. Как только прибор включился, незримое энергетическое поле, обладающее силой глубокого анализа и вибрации, окутало Лу Чэня.

Он глухо застонал, его тело мгновенно напряглось, краска отлила от красивого лица, брови сошлись на переносице, а в глубине золотых глаз промелькнула боль. Ощущение было таким, будто душу насильно вскрывают и выставляют под ледяной свет прожекторов для тщательного осмотра.

Цзян Янь стоял у пульта, не отрывая глаз от бешено скачущих данных на экране.

Спектрограмма состояния души Лу Чэня неистово колебалась. В центральной области наблюдались крайне нестабильные провалы, похожие на помехи при плохой связи. Огромные белые пятна и искаженные волны отчетливо вырисовывали контур шокирующего повреждения.

Действительно... все гораздо серьезнее, чем он пытался представить! Это не просто разбил, это почти половина души была разорвана!

Чудо, что он вообще жив, переродился и даже способен использовать крупницы власти Небесного императора!

Пальцы Цзян Яня непроизвольно сжались, оставив глубокие царапины на холодной металлической панели. На экране красная кривая, показывающая нагрузку на первооснову Лу Чэня, резко подскочила вверх, раздался пронзительный сигнал тревоги.

Взгляд Цзян Яня стал жестким, он немедленно отключил подачу энергии.

Гул стих.

Лу Чэнь, словно обессиленный, обмяк в кресле, тяжело дыша. Его лоб покрылся испариной, а лицо было мертвенно-бледным. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог вымучить бледную улыбку и посмотреть на Цзян Яня:

— Ну что... доктор Цзянь? Есть результаты? Неужели... все безнадежно?

Цзянь Янь молча смотрел на застывшую на экране пугающую спектрограмму. В глубине его холодных фиолетовых глаз бушевала буря сложных эмоций — шок, тяжесть, глубокое сомнение и нечто более серьезное, чего он сам в себе не замечал.

— Хуже, чем я предполагал, — его голос был низким и исполненным небывалой серьезности. — Потеряно почти половина первоосновы, фундамент божественного статуса пошатнулся, словно башня на песке. Насильственное использование власти указа подобно утолению жажды ядом.

Улыбка на лице Лу Чэня угасла, в золотых глазах промелькнула невыразимая тьма. Он с трудом сел, опираясь на холодную спинку кресла, и с хриплой самоиронией произнес:

— Ох... настолько все плохо? Тогда... есть ли спасение, святой доктор Цзянь?

Цзянь Янь не ответил сразу. Он повернулся и снова посмотрел на реактор, который продолжал стабильно работать. Внутри, под воздействием ледяного тумана, сгустки вязкого вещества с трудом впитывали последние капли эссенции, источая слабый, но чистый холод. Это было их единственное, пусть и скудное, средство для подпитки.

В глубине фиолетовых глаз переливался холодный свет, словно он просчитывал тысячи возможностей.

— Восполнение души... — медленно произнес Цзянь Янь, его голос вернулся к обычному холоду, но в нем появилась непреклонная решимость. — Сложно. Невозможно без редчайших небесных сокровищ и божественных артефактов. В нашем нынешнем состоянии это сродни бреду сумасшедшего.

Взгляд Лу Чэня на мгновение потускнел.

— Но, — Цзянь Янь переменял тон, и в его глазах блеснул острый свет, — не совсем безвыходно.

Лу Чэнь резко поднял голову, в его золотых глазах снова загорелась слабая надежда.

— Наделение божественными титулами — это выход, — взгляд Цзянь Яня скользнул по экрану с данными Земной жилы. — Титул Божества Земли Чжоу стабилен, упорядочивание жилы собирает крохи веры. Хотя эта сила слаба, она невероятно чиста и направлена прямо к первооснове законов. Эта сила... может питать божественный статус.

Он посмотрел на Лу Чэня, взгляд его был острым, как клинок:

— Если мы сможем наделить титулами больше божеств, сплести их в сеть, охватывающую

самые обширные земли мира. Когда эта сеть законов, состоящая из бесчисленных мелких божеств, станет достаточно большой и прочной, накопленная ею сила веры и порядка... возможно... — он сделал паузу и отчетливо произнес, — будет достаточной, чтобы восполнить недостающую часть твоей первоосновы! И даже... восстановить фундамент божественного статуса!

В лаборатории воцарилась гробовая тишина. Слышался лишь низкий гул реактора и призрачное свечение экранов.

Лу Чэнь сидел в кресле, золотые глаза не отрывались от Цзян Яня, в них бушевал шторм! Шок, восторг, неверие... в конце концов, все это превратилось в жгучую, отчаянную решимость!

Использовать мир как фундамент, веру миллионов как топливо, а наделенные титулы — как узлы, чтобы сплести сеть и починить небо! Этот план... безумен! Дерзок! Но в то же время... он был полон грандиозного величия Императора преисподней и Небесного императора, готовых перекроить мироздание!

— Ха... ха-ха-ха!

Лу Чэнь вдруг тихо рассмеялся. Смех прозвучал в холодной лаборатории неожиданно, но был полон облегчения и долго подавляемого возбуждения.

— Хорошо! Прекрасно сказано — сплести сеть и починить небо! Бэйинь, ну ты даешь! — он с трудом поднялся на ноги. Хотя лицо его оставалось бледным, золотые глаза сияли, словно пылающее солнце. Он не сводил глаз с Цзян Яня. — Тогда сделаем это! Превратим Цзянчэн... нет, все земли Шэньчжоу в наш камень для починки неба!

Цзян Янь холодно взглянул на него, вернулся к пульту управления и начал быстро работать пальцами, вызывая подробную карту Цзянчэна. Он начал пометать новые области, где могли сохраниться остатки божественности или особые души.

Голос его оставался холодным, но в нем чувствовалась непоколебимая сила:

— А пока — приведи в порядок свою душу, которая сейчас как дырявое решето.

Он взял со стола специальный низкотемпературный контейнер с несколькими таблетками Холодной костной эссенции, которые только что достал из реактора — их цвет все еще был неоднородным, но ледяная энергия внутри стабилизировалась — и небрежно бросил Лу Чэню.

— Съешь. Укрепи основу. Если в следующий раз снова вздумаешь геройствовать до кровавой рвоты...

Он слегка повернул голову, в фиолетовых глазах сверкнул ледяной свет, и угроза, скрытая в

недосказанности, была страшнее любых слов.

Лу Чэнь суетливо поймал холодный контейнер. Глядя на таблетки, чей вид все еще оставлял желать лучшего, и на холодный профиль Цзян Яня, он почувствовал, как в глубине его золотых глаз промелькнуло что-то очень сложное.

Он взял одну таблетку, словно решившись на что-то важное, закинул в рот и прожевал. Его красивое лицо снова сморщилось, и он невнятно пробормотал:

— Понял, понял... нудный ты... в следующий раз обязательно буду осторожнее...

<http://bllate.org/book/18859/1839908>